

Новое время. Петербург. 1899. № 24.

В. И. ЖИВОКИНИ.

(Къ 25-ти-лѣтію его смерти).

18-го января исполнится 25 лѣтъ со днѣа смерти знаменитаго актера московскаго театра, Василія Игнатьевича Живокини; настоящая фамилія его была Джювакино де-ла-Мома. Отецъ его былъ архитекторомъ у извѣстнаго любимца Екатерины II Зорича, мать Живокини П. А. Азаревичъ была танцовщицей домашняго театра Зорича. До 1812 года отецъ Живокини имѣлъ шоколадную фабрику въ Москвѣ, но пожаръ Москвы лишилъ его всего состоянія. По протекціи своей матери, балерины Азаревичъ, Живокини былъ помѣщенъ въ театральную школу, гдѣ онъ учился музыкѣ, пѣнію, танцамъ, передъ выпускомъ пристрастился къ скрипкѣ и готовился выйти въ музыканты, но, увидѣвъ на сценѣ П. И. Со-

19
Нов. № 221, № 24. 1899

ницкаго перемѣнилъ памѣреніе и поступилъ актеромъ на сцену. Первый дебютъ Живокини состоялся 18-го августа 1824 года; онъ явился въ пер вый разъ передъ публикой въ цѣсѣ Глухой или полный трактиръ. Второю его ролью былъ «Митрофанушка» въ «Недоросль» Фонвизина и съ первыхъ дебютовъ успѣхъ его былъ обезпеченнъ. Талантъ Живокини былъ громадный, но чисто субъективный; какимъ онъ выразился при началѣ его карьеры, такимъ онъ оставался до конца. Живокини пятьдесятъ лѣтъ игралъ на сценѣ самого себя, но такъ, что не надобѣлъ этимъ въ цѣлые половѣка. Игра этого актера, по словамъ видѣвшихъ его, была очень неравна. Иногда онъ былъ удивительно хорошъ и естественъ, иногда же видалъ въ фарсы. Особенно онъ былъ хорошъ въ роляхъ шутовъ въ комедіяхъ Шекспира и въ нѣкоторыхъ водевиляхъ, какъ «Стряпчий подъ столомъ» и т. д. Знаніе музыки позволяло ему легко справляться съ нѣкоторыми оперными партіями, водевильные куплеты онъ передавалъ мастерски. Кончина этого артиста была неожиданной. Хотя въ послѣднее время онъ рѣдко появлялся на сценѣ, все хворалъ, но за недѣлю до кончины Живокини еще участвовалъ въ спектаклѣ. И какъ будто чуяли близость этой вѣчной разлуки и глубоко растроганный, артистъ и не менѣе его растроганная публика, когда при первомъ появлѣніи покойнаго на сцену раздался дружный взрывъ самыхъ восторженныхъ рукооплесканій, и онъ, стоя у рампы, благодариль безчисленныхъ почитателей своего таланта, плакали, не будучи въ состояніи удержать потока душившихъ ихъ слезъ. И въ этихъ слезахъ было и воспоминаніе невозвратнаго прошлаго, и искреннее спасибо за настоящее служеніе искусству, и, быть можетъ, смутное предчувствіе близкой разлуки... Это была послѣдняя овация благодарной публики таланту. Черезъ недѣлю Живокини не стало. Погребеніе Живокини было торжественное, проводить его собралась чуть ли не вся Москва. Всѣ переулки, прилегающіе къ церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ, гдѣ происходилъ обрядъ отпѣванія, были буквально запружены народомъ, даже было пріостановлено конное сообщеніе. Покойный Живокини былъ не только хорошимъ артистомъ, но и хорошимъ человѣкомъ. Никого онъ не обидѣлъ, никого не притѣснялъ, никому не отказалъ въ совѣтѣ, поддержкѣ или помощи. Извѣстно, что онъ помогъ своей протекціей при вступленіи на сцену Садовскому, Никуличой-Косицкой и Медведевой. Вліяніе Живокини не ограничивалось одной московской сценой; его знала и любила вся провинція: въ нѣкоторые годы онъ былъ антрепренеромъ нижегородскаго театра.